

ugr | Universidad
de Granada

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В ПРОСТРАНСТВЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года

**МАТЕРИАЛЫ
XIII КОНГРЕССА МАПРЯЛ**

В 15 томах

Том 6

**НАПРАВЛЕНИЕ 5
Язык. Сознание. Культура**

Санкт-Петербург
2015

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

**ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»**

Рецензенты

Л. А. Вербицкая, Р. Беленчикова, Р. Гусман Тирадо,
Д. Ю. Дэвидсон, Лю Лиминь, А. Мустайоки, Ю. Е. Прохоров,
Т. П. Млечко, В. Н. Аврамова, Д. Э. Гоциридзе, И. Клапка,
А. Красовски, Л. А. Кудрявцева, С. Оде, Э. Д. Сулейменова,
Чжэн Тиу, Л. Шипелевич, Т. Шмидт

Редакционная коллегия

Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова, Т. Б. Авлова,
Н. А. Буре, Г. М. Васильева, И. М. Вознесенская, С. В. Вяткина,
В. П. Казаков, Т. Н. Колосова, Н. А. Любимова, Н. М. Марусенко,
Л. В. Миллер, В. М. Мокиенко, Ю. Е. Прохоров, С. Т. Саевич,
Е. И. Селиверстова, А. Д. Степанов, И. Н. Сухих, Н. Л. Федотова,
В. В. Химик, М. С. Шишков, Д. А. Щукина

Составители

Н. М. Марусенко, М. С. Шишков

Р89 Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — Т. 6. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — 657 с.

Сборник включает тексты докладов участников XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года), посвящённых актуальным проблемам современной русистики и методики преподавания русского языка и литературы. Проблематика лингвистических статей связана с вопросами изучения русского языка в его современном состоянии и историческом развитии. В статьях исследователей русской классической и современной литературы осмысливается её роль в мировом культурном и образовательном пространстве. Особое внимание уделено современным концепциям, технологиям и методикам обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному. Сборник материалов Конгресса адресован филологам-русистам, преподавателям русского языка и литературы, студентам и аспирантам гуманитарного профиля, а также всем интересующимся русским языком, литературой и культурой.

В 6-й том вошли материалы направления 5 «Язык. Сознание. Культура».

ISBN 978-5-9906635-6-5 (Т.6)
ISBN 978-5-9906635-0-3 (серия)

© МАПРЯЛ, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Губайдуллина Анастасия Николаевна

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Россия

gubgub@ngs.ru

«ВЗРОСЛОЕ СЛОВО» В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Современная поэзия для детей существует в пространстве двойной адресации: она обращена сразу к детям и к взрослым. Существует три типа функционирования «взрослого слова» в детской поэзии: искажение сложных понятий, пародирование официального языка и перенос взрослого экзистенциального опыта в сферу детства.

Ключевые слова: поэзия для детей, двойная адресация, взрослое слово, экзистенциальный опыт.

Движение современной поэзии для взрослых и детской поэзии «навстречу» друг другу уже не является открытием для литературоведов. Если современную поэзию упрекают в незрелости авторского сознания и инфантилизме, то стихотворения и проза для детей, наоборот, стремительно «взрослеют». И. Н. Арзамасцева и С. А. Николаева отмечают изменение системы жанров в последнем десятилетии XX века: «Любовный роман для мамы и такой же — для дочки, детектив для папы и детектив для сына. Происходило дублирование и взаимопроникновение взрослой и детской литератур, путались границы детского и недетского»¹. В аннотациях к поэтическим детским книгам все реже можно встретить конкретные указания: «для дошкольного возраста», «для младшего школьного возраста», зато часто встречается адресация «для семейного чтения». Так, сборник 2003 года «Классики: Лучшие стихи современных детских писателей» имеет подзаголовок «Хохотально-литературно-художественное издание для детей от 7 до 70 лет». Сборник Марины Бородицкой «С музыкой и пением» (2011) предназначен «для взрослых и детей». В тексте, сопровождающем книгу Григория Кружкова «Рукопись, найденная в капусте» (2007), сказано: «Это книга для взрослых, которые еще не научились читать вместе с детьми. „Весна наступила“ — типичное чтение для взрослых»².

Двойная адресация обусловлена тем, что детская поэзия изменяется содержательно. В нее проникает дискурс взрослой жизни, названный в этой статье «взрослым словом». «Взрослое слово» понимается, в соответствии с разработанной теорией «чужого слова» (М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Хализев), как высказывание, несвойственное для ребёнка, пересказанное или передразненное внутри текста стихотворения, при этом не обособленное от основного текста.

Есть несколько типов функционирования «взрослого слова» в детском стихотворении. Первая, наиболее традиционная форма, — искажение понятий «взрослого» мира в детском восприятии:

Вмещает чемоданчик «дипломат»
бумаги, книжки, даже сала шмат.
В переговорах дипломата с дипломатом
враг станет другом, друг и вовсе — братом.
Вам дипломат не скажет никогда
ни твёрдо «Нет», ни однозначно «Да».
Вот, например, дипломатический ответ:
— Ты выучил стихи?
— А можно в туалет?
(М. Першин «Дипломат»³).

Для подобных примеров характерно сознательное упрощение или искажение смысла понятия, относящегося к лексикону взрослых. Каким образом это понятие проникает в среду детства? Чаще всего его навязывают взрослые. Они предстают в роли наставников, пытающихся передать воспитанникам определенное знание. Ученики же не принимают это знание, поскольку оно формально не подкреплено их жизненным опытом. Сложные термины или абстрактная информация, неактуальная для детей, трансформируется в мире детства и получает новую семантику.

Например, Борис Хан воспроизводит индуктивный подход ребенка к школьному предмету. Вычленив из устойчивой для мировоззрения взрослых науки (из литературы, географии, лексики русского языка) частную информацию, Хан подчеркивает отсутствие внутрипредметных связей, фиксируемое сознанием ребенка:

Был Пушкин маленьким, Толстой был необутым,
А Герцен — спал. Я ничего не спутал?⁴.

Или:

Рога есть у коровы, хвост и вымя.
За это ей дано «корова» имя!

(«Рассуждения Афанасия Ботана на уроке биологии»⁵)

Случайный перебор единиц внутри множества дискредитирует его в целом. Пространство взрослого мира и пространство детства не только не коррелируют, но жестко разграничены и противопоставлены друг другу. У детей и взрослых Хана разные системы исчисления. И каждая из них достаточно авторитарна. То же можно сказать и о систематизации в поэзии для детей Артура Гиваргизова: «Для жизни нужен холодильник, / Кровать, магнитофон и «ящик». / Ну а для жизни настоящей: / Лопата, дрель, пила, напильник, / Шурупы, гвозди, черепица / И доски — лучше сороковка. / И вот за этим, понял Вовка, / Ты должен хорошо учиться» («За этим»)⁶. Подобные стихи касаются сферы должностования и корректируют социальные отношения. Этот тип «взрослого слова» наиболее традиционен, поскольку взрослые и дети в детской литературе были противопоставлены друг другу всегда. То, как ребенок адаптирует слово, смысл которого не понимает, — один из источников комического как в художественном творчестве, так и в эссеистике о детстве (см. в книге К. Чуковского «От двух до пяти»).

Искажение «взрослого слова» происходит не только в процессе жонглирования терминами, но и во время пародирования стиля речи взрослых. Детская поэзия, в духе постмодернизма, разоблачает дискредитировавший себя шаблонный язык. «При этом детские писатели стремились избавиться от “советизмов” — речевых штампов и клише, накопившихся и растиражированных за несколько десятилетий развития литературы, оттого в литературной речи смешивались элементы публицистики и сниженного разговорного стиля (анекдот, частушка, устная пародия)» — полагает Ирина Арзамасцева⁷. Однако у детской поэзии есть преимущество перед пародийным дискурсом концептуализма или поэзии соц-арта. Поэзия для детей имеет возможность придать шаблонным фразам свежее значение. Так, Игорь Шевчук начинает стихотворение «Прогноз погоды» с традиционного безличностного сообщения: «Сегодня ожидается / Погода переменная. / Температура воздуха — / Пять градусов тепла», — а заканчивает личным обращением: «Товарищ Вова Тракторов, / Сейчас же бросьте плакать! / Мы дальше сообщеие / Для вас передаем: / Для вас сегодня подана / отличнейшая слякоть / И грязи — по колено вам! — / Огромный водоем!»⁸. Общее место высказывания художник уравнивает эвристикой детского. Апелляция к детскому восприятию позволяет индивидуализировать смысл, адресат заново семантизирует высказывание.

Поэзия для маленьких пародирует прозаические жанры: детектив, боевик, деловое письмо, даже брошюру (Тим Собакин «Как откормить свинью»). Иронический вектор возникает в силу дуальности отношений «взрослый» / «ребенок». С одной стороны, стороны состоят в конфликте, с другой стороны, между ними есть взаимовлияние: в частности, ребенок, понимая мир по-детски, демонстрирует модель поведения взрослого героя, как, например, в «вестерне» А. Гиваргизова. Автор использует декорации классического вестерна:

Летит куда-то кондор,
Бежит куда-то лошадь.
Сидит за стойкой мальчик
По имени Алёша.

При этом лирический сюжет раскрывает традиционное напряжение в отношениях «родитель» — «ребенок»:

А ты уроки сделал?
Ты выучил английский?
Ведь ты у англичанки,
Алёша, в чёрном списке.

В последних строках стихотворения, в соответствии с законами жанра «вестерна», происходит неожиданное взросление, огрубление героя:

Алёша затянулся,
Допил двойное виски
И выругался грубо,
Но, вроде, по-английски
(«По-английски»⁹).

Удовлетворяя формальное требование взрослых (знание английских слов), герой искажает феноменологию детства. Этот тип детских стихов можно назвать поэзией с ролевой инверсией: ребенку предлагается взять на себя функции зрелого, опытного человека. Обязательное условие этой группы текстов — сниженный стиль, ирония.

Более сложный случай функционирования «взрослого слова» — попытка «вживить» некий априорный культурный опыт, давно существующий эстетический объект в произведение для детей. Речь идет об интертекстуальности, не отменяющей смысл исконного текста, а преодолевающей его жизнь. Писатели используют цитаты предшественников как фоновые ссылки, прибегают к аллюзиям:

Это что ползёт такое,
Незнакомое?
Здравствуй, племя молодое,
Насекомое!

(М. Яснов «Это что ползёт такое?»¹⁰).

Близкий пример — четверостишие И. Шевчука («Одиночество»¹¹):

И скучно!
И грустно!
И некому руку подать...
Придётся в этом болоте
Мне одному пропадать.

Иллюстрацией к данному стихотворению в книге «Педадь от огурца» (2011) служит картинка, где герой — маленький человечек — буквально сидит в болоте. Но название «Одиночество» актуализирует вполне «взрослую» эмоцию, родственную чувству лирического героя стихотворения М. Лермонтова «И скучно, и грустно...». Для героя поэзии Лермонтова «болото» — метафора современного общества. Таким образом предлагается два уровня понимания произведения: упрощенный и более сложный. Интертекст функционирует как «средство для отождествления определенных фиксированных характеристик <...> объясняет саму возможность взаимопроникновения текстов, факт существования их в объединенном пространстве в виде единого текста, который представляет собой вся человеческая культура»¹². Этот тип поэзии сближает взрослого читателя и ребенка. Текст предполагает неоднократное прочтение и формирует культурное сознание, делает возможным движение от эстетического впечатления к постижению глубокого смысла искусства.

Наконец, третий, наиболее сложный вариант «взрослого слова» в детской поэзии — это описание неорганичной для ребенка экзистенции, иного личностного опыта:

Слышите песню: та-ра-ра, ра-ра —
Как будто пилой по тёрке?
Это уборщица — тётя Тамара
Поёт у себя в каморке.
Она давно работает в школе:

Скребёт, вытирает, моет.
Но иногда вспомнит о воле,
Сядет и тихо завоет
(А. Гиваргизов «Тара-ра-рара»¹³).

Текст не оставляет возможности для непосредственного прочтения. Чтобы его понять, нужно иметь представления о «неволе», о бытовой рутине; требуется прочувствовать внутреннее состояние человека, располагающее к звериному вою. В этом типе стихов переживание лирического персонажа яснее взрослому, чем ребенку.

Два поэта, не отграничивающие содержательно многие произведения для детей от «взрослых» стихов, — Марина Бородицкая и Михаил Яснов.

М. Яснов в детской поэзии обращается к теме старости и смерти. В поэзии Яснова происходит воспитание чувств. Ребенку предлагается прочувствовать специфику старческого существования: немощность, болезненность («Передохни! / Ведь мы с тобой/ Почти дошли до дому. / Я подожду!» — сказал глухой / Отставшему хромоту» («Два старика идут домой...»¹⁴)); ночное одиночество («А сторож ходит — / Шарк да шарк: / Он сторожит / Трамвайный парк»¹⁵) и, наконец, смерть. В детском времени, с помощью творческой игры становится преодолимым то, что составляет зону трагедии во взрослом времени. В стихотворении М. Яснова «Крылатое деревце»¹⁶ мальчик находит мертвую птицу и хоронит ее; точнее, сажает, как зерно, в землю, чтобы на следующий год проклюнулась новая птица. Детство в современной поэзии обладает магией бесконечности времени, находится внутри круга вечного возвращения. С этим связана взаимозаменяемость героев, окружающих явлений, условное «бессмертие».

М. Бородицкая последовательно выстраивает драматичную биографию лирического героя в своей детской поэзии. Детство лирической героини Бородицкой, как и детские годы автора, приходится на начало 1950-х. Юность описывается как счастье обладания простыми вещами при сохраняющемся ощущении трагичности жизни. И у Яснова («Мы пришли к блокаднице»¹⁷), и у Бородицкой («Бывало, зуб молочный рвут...»¹⁸) последствия войны переданы в детском восприятии. В стихотворении Бородицкой «Первый класс»¹⁹ взросление героини предопределено внутренней драмой ее отца, связанной с пережитой войной:

Сестрёнка кряхтит и мяучит во сне.
С отцом на диване постелено мне.

...Опять среди ночи вопьется в мой сон
Тот сдавленный вой, тот мучительный стон:

«Огонь!» — он кричит, он кричит на меня —
Бойтся огня или просит огня?

«Огонь!» — он кричит, я его торможу,
Зову и реву и проснуться прошу...

Чужое время становится зоной личной ответственности.

Героиня Бородинской немислима вне прошедшего времени. В цикле стихотворений, посвященных игрушкам юности, перечисляются вещи, неизвестные современным дошкольникам и школьникам: медный кран, папиросы «Казбек», платье «фигаро». Поэзия проникнута ностальгическими мотивами, и это неожиданно для детской литературы, так как ребенок не сожалеет об утраченном, поскольку находится в состоянии накопления опыта, а не осмысления его. По мере прочтения книги «С музыкой и пением» открывается, что адресат этой поэзии — не столько ребенок, сколько взрослый. Может быть, сам автор. Центральным произведением книги, её «гимном» является стихотворение без названия:

Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
И промокашку, и вставочку, и перочистку.

Финские снежные, в синих обложках тетради...²⁰

Детскую поэзию можно считать «терапевтической» (этот термин Е. Тиновицкой был применен к российской детской прозе 1990–2000-х годов)²¹: она решает задачи преодоления тоски по ушедшей юности, страха смерти, решения конфликтов в семье. Адресат поэзии становится предельно условным. Лирика направлена не «куда», а «откуда» — из болезненного внутреннего мира. Если ранее (например, в детской поэзии 1920–30-х годов) латентный трагизм облекался в приемлемую для ребенка шуточную, легкую форму, прорывался намёком, то в конце XX века писатель не адаптирует эмоцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / науч. ред. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. 7-е изд. М.: Академия, 2011. С. 470

² Кружков Г. Рукопись, найденная в капусте. Стихи и сказки. М.: Время, 2007. С. 4.

³ Першин М. Дипломат / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 15.

⁴ Хан Б. Был Пушкин маленьким / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 13.

⁵ Хан Б. Рассуждение Афанасия Ботана на уроке биологии / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 10.

⁶ Гиваргизов А. За этим / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 71.

⁷ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Указ. соч. С. 471.

⁸ Шевчук И. М. Педаль от огурца: Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 37.

⁹ Гиваргизов А. Мы так похожи. М.: Самокат, 2001. С. 43.

¹⁰ Яснов М. Это что ползет такое? / Классики: Лучшие стихи современных детских писателей. М.: Детская литература, 2003. С. 134

¹¹ Шевчук И. М. Указ. соч. С. 53.

¹² Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 95.

¹³ Гиваргизов А. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ Яснов М. Собратель сосулук. М.: Самокат, 2009. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Бородицкая М.Я. С музыкой и пением: Стихотворения. М.: Арт Хаус медиа, 2011. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Тиновицкая Е. Терапия вместо «морали». Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе / Вопросы литературы. 2007. №4. С. 157.

Gubaidullina A. N.

«ADULT'S WORD» IN THE LANGUAGE OF CONTEMPORARY POETRY FOR CHILDREN

The autor argues that modern poetry for children exists in the space of «double reception»: It is addressed directly to children and to adults. There are three types of functioning of «adult's word» in children's poetry: the distortion of complex concepts, mimicking the official language and the transfer of adult existential experience in childhood.

Keywords: literature for children, literature of "double reception", adult's word, existential experience.